

- ¹ African Political Systems / Ed. Fortes M., Evans-Pritchard E. E., L. 1940.
- ² Kuper A. Anthropology and Anthropologist. The Modern British School. L., 1983.
- ³ Cannon W. B. The Wisdom of the Body. N. Y., 1963.
- ⁴ Parsons T. The Social System. Glencoe, 1951.
- ⁵ Easton D. The Political System: An Inquiry into the State of Political Science. N. Y., 1953.
- ⁶ Eisenstadt S. N. Primitive Political Systems // Amer. Anthropol. 1959. V. 61. P. 200—220.; *idem*. The Political Systems of Empires. N. Y., 1963; Almond G. A., Bingham Powell G. Comparative Politics: A Developmental Approach. Boston. 1966.
- ⁷ Potholm C. P. Four African Political Systems. Englewood Cliffs, 1970.
- ⁸ Skalnik P. On the Inadequacy of the Concept of Traditional State (Illustrated by Ethnographic Material on Nanun, Ghana) // J. Legal Pluralism and Unofficial Law. 1987. V. 25—26. P. 313—338.
- ⁹ Evans-Pritchard E. E. The Nuer. L., 1940.
- ¹⁰ Holy L. Nuer Politics // Segmentary Lineage Systems Reconsidered / Ed. Holy L. Belfast, 1979. P. 23—48.
- ¹¹ Fortes M. The Dynamics of Clanship Among the Tallensi. L., 1945; *idem*. The Web of the Kinship Among the Tallensi. L., 1949.
- ¹² Leach E. The Political Systems of Highland Burma. A Study of Kachin Social Structure. L., 1954.
- ¹³ Southall A. Alur Society. A Study in Processes and Types of Domination. Cambridge, 1956.
- ¹⁴ Tribes Without Rulers / Ed. by Middleton J., Tait D. L., 1958.
- ¹⁵ Smith M. G. On Segmentary Lineage Systems // J. Royal Anthropol. Inst. 1956. V. 86. P. 39—80.
- ¹⁶ Schapera I. Government and Politics in Tribal Societies. L., 1956.
- ¹⁷ Mair L. Primitive Government. Harmondsworth, 1962.
- ¹⁸ Bailey F. G. Stratagems and Spoils. Oxford, 1969.
- ¹⁹ Barth F. Political Leadership Among Swat Pathans. L., 1959.
- ²⁰ The Early State / Ed. Claessen H. J. M., Skalnik P. The Hague, 1978.
- ²¹ Adler A. La mort est le masque du roi. La Royauté sacrée des Moundang du Tchad. P., 1982; de Heusch L. The Drunken King or the Origin of the State. Bloomington, 1982; Izard M. Gens du pouvoir, gens de la terre. Les Institutions politiques de l'ancien royaume du Yatenga (Bassin de la Volta Blanche). Cambridge, 1985; Muller J.-C. Le roi bouc émissaire. Pouvoir et rituel chez les Rukuba du Nigeria Central. Quebec, 1980; Guerres de lignage et guerres d'Etats en Afrique / Ed. Bazin J., Terray E. P., 1982.
- ²² Clusters P. The Society against the State. N. Y., 1977; Godelier M. The Mental and the Material. Thought, Economy and Society. L., 1986.
- ²³ Private Politics. A Multi-Disciplinary Approach to «Big-Man» Systems / Ed. van Bakel M., Hagesteijn R., van de Velde P. Leiden, 1986.
- ²⁴ Godelier M. The Making of Great Man. Cambridge, 1986.
- ²⁵ Politics and History in Band Societies / Ed. Leacock E., Lee R. Cambridge, 1982.
- ²⁶ The Anthropology of Power / Ed. Adams R. N., Fogelson R., L., 1977.

© 1991 г., СЭ, № 3

М. В. Золотухина

СОВРЕМЕННАЯ СЕМЬЯ В США В ИССЛЕДОВАНИЯХ АМЕРИКАНСКИХ УЧЕНЫХ*

1970—1980-е годы в США отмечены небывалым ростом интереса к изучению институтов семьи и брака. Вопросы воспроизводства населения и его социализации, экономического положения американских семей, изменения в статусе женщин и связанное с этим новое распределение ролей в семье и обществе стали предметом острых политических и общественных дебатов. Ученые США уделили большое внимание проблеме взаимодействия государства и семьи, поиску альтернативных программ, отличных от тех, которыми занимается американское правительство.

На наш взгляд, советскому читателю было бы интересно ознакомиться с несколькими последними работами американских специалистов. Первые две из них отражают обобщенный опыт исследова-

* В данной статье основной акцент сделан на семье белого населения США. В одном из следующих номеров журнала выйдет статья Э. Л. Нитобурга «Негритянская семья в США глазами американских этносоциологов».

дований США в разработке указанной проблематики. Книга «Американские семьи в их разнообразии»¹ — учебное пособие, написанное М. В. Зинн и Д. Айценом (университеты штатов Мичиган и Колорадо). Основная его цель, как отмечают авторы в предисловии, — «демифологизация семьи и изучение разнообразия ее форм» с позиции структуралистского подхода, критический анализ обстоятельств и детерминант, формирующих семью в США². Этот труд отражает наиболее современные концепции и идеи американских социологов, демографов, историков³, его отличает основательная источниковая база, подробное и логически выдержанное изложение материала.

Следующая работа — сборник статей, объединенных под названием «Изменение семьи»⁴, выдержавший, начиная с 1971 г., пять изданий. В предисловии к последнему (1986 г.) изданию, его редакторы и составители А. и Д. Сколник (известные специалисты по проблемам американской семьи из университета Беркли, штат Калифорния), обращают внимание на тот факт, что за истекшие 15 лет изменились не только сами американские семьи, но и взгляд на них. Более половины статей в пятом издании сборника новые по сравнению с предыдущим, главный акцент в них сделан на ранее практически не разрабатывавшейся проблематике (отношения между различными поколениями в семье, братьями и сестрами, кровосмешительство как одна из форм насилия в семье и т. д.).

Две другие книги носят несколько иной характер. «Слабая поддержка: бедность в американских семьях» Д. Элвуда, ученого из Гарвардского университета⁵, считается лучшей современной работой по вопросу о роли американского государства в обеспечении бедных семей США, наиболее авторитетным исследованием в данной области, сочетающим блестяще подобранные факты, их тщательный анализ с продуманными политическими рекомендациями на 1990-е годы. Работа А. Карлсона, написанная представителем консервативных кругов, называется «Вопросы семьи: размышления об американском социальном кризисе»⁶. Оба исследования, помимо предложенных в них концепций социальной деятельности администрации США, содержат свою интерпретацию наиболее существенных тенденций в развитии института семьи в Америке на сегодняшний день.

Мы постараемся ознакомить читателя с основными положениями упомянутых работ, которые являются наиболее репрезентативными исследованиями и адекватно отражают современные тенденции в данной области американской науки.

Тип семьи в США, получивший распространение в колониальный период, как пишут Зинн и Айценом, основывался на так называемой «семейной экономике», имел нуклеарную структуру, т. е. состоял из двух поколений — супругов и их детей. Семья, помимо экономической функции и функции воспроизводства, выполняла роль социального регулятора. Последняя была обусловлена частым присутствием в домохозяйстве людей, не связанных кровными узами с членами самой семьи, — учеников, детей соседей, новых поселенцев, переехавших в Америку⁷. Поскольку с раннего возраста детский труд использовался в домашнем хозяйстве, воспитание детей отличалось строгостью и аскетизмом.

К 1830-м годам развитие «рыночной экономики», капиталистических отношений, усиление классовых различий привело к дальнейшей дифференциации семей по экономическому признаку. В семьях среднего и высшего классов сфера деятельности женщин сводилась к ведению домашнего хозяйства при помощи прислуги и воспитанию детей⁸. В менее обеспеченных семьях все тяготы быта ложились на плечи хозяйки дома. Во второй половине XIX в. на первый план во взаимодействии института семьи и общества выдвигаются такие факторы, как индустриализация, колонизация западных земель и продолжающийся поток иммиграции. Функционирование семей иммигрантов в новых условиях, адаптация к ним происходили под значительным влиянием культурного наследия и традиций родной страны.

Что касается типично американских черт семейной жизни, которые можно проследить с конца XVII в., то, по мнению известной исследовательницы Т. Харевен, к ним можно отнести постоянную (за исключением взрыва рождаемости, так называемого «бэби-бума» — конец 1940-х — 1950-е годы) тенденцию к снижению рождаемости, более раннее, чем в Европе, вступление в брак, постепенное, практически полное исключение женщин и детей из сферы общественного труда в семьях среднего и высшего классов вплоть до второй мировой войны⁹, после чего занятость женщин начала расти, и это явилось наиболее существенным изменением в социальной жизни США XX в. Большинство авторов (среди них и Д. Элвуд) полагают, что эту тенденцию следует рассматривать как необратимую. А. Карлсон утверждает, что главное призвание женщины — это дом и дети (ссылаясь на знаменитого социолога Т. Парсонса, указывающего на то, что инструментальная роль изначально присуща мужчинам, а экспрессивная, воспитательная — женщинам)¹⁰. Он пишет, что адрогенность (стирание принципиальных различий между мужчинами и женщинами в социальной жизни) «не должна становиться нормальным психологическим атрибутом жизни американцев»¹¹. Карлсон считает, что в основном экономические факторы (инфляция, удорожание жилья) привели к распространению семей с работающими мужем и женой (при этом самую серьезную проблему для семьи и общества представляют работающие матери), хотя автор не исключает сознательного поощрения и подталкивания этого процесса еще при администрации Эйзенхауэра. «Длительное развитие капитализма дезинтегрирует традиционную нуклеарную семью, так как превращает женщин в рабочую силу, освобождая их от необходимости выполнения ряда домашних обязанностей»¹². Другие авторы придерживаются другой точки зрения: по словам Дж. и Л. Хантов, женщина просто поменяла «место работы», так как она и раньше имела четкую сферу деятельности — принимала непосредственное участие в карьере мужа, вела хозяйство. Поэтому семью с двумя работающими супругами можно назвать модифицированной, но в основе своей традиционной моделью семейной жизни, и ее следует отличать от тех супружеских пар, в которых жена не только работает, но и стремится сделать карьеру¹³. Самая острая

проблема сейчас заключается в том, как совместить роль матери и занятость в общественном производстве. Карлсон уверен, что «социальное родительство», т. е. использование детских учреждений (при том, что еще не изучены последствия развития ребенка без матери) приносит только зло, поскольку лишь мать может и должна заниматься воспитанием детей. Большинство авторов выступает за совмещение женщинами и той и другой роли, хотя пока не ясно, как этого достичь. Тем более, что несмотря на очевидные достижения в материально-техническом обеспечении семей в США ведение домашнего хозяйства поглощает лишь незначительно меньше времени и сил, чем раньше, потому что мужчины и дети, как правило, не принимают в этом участия, а рост продуктивности труда самой домохозяйки нейтрализуется отсутствием прислуги¹⁴.

Помимо изменения статуса женщин большое значение имеют такие тенденции, как рост числа неполных семей и одиноких людей, высокий уровень разводов и повторных браков. Демографическую динамику институтов брака и семьи во второй половине 1980-х годов, по мнению М. Зинн и Д. Айцена, определяют несколько факторов: во-первых, поколение детей, родившихся в период «бэби-бума», — из-за их численности, во-вторых, растущее число пожилых и престарелых американцев, в-третьих, рост этнических меньшинств (главным образом из-за продолжающегося притока иммигрантов; по приблизительным подсчетам сейчас в США только нелегально проживает от 3,5 до 6 млн. иностранцев)¹⁵. Углубляется социальная и экономическая дифференциация семей под влиянием инфляции, удорожания жилья, возрастания стоимости воспитания и обучения детей. Ухудшилось по сравнению с предыдущим периодом положение семей с двумя работающими родителями, поскольку жизненный уровень этих семей не только не возрос, но и понизился. Бедность «работающих людей в полных семьях», как пишет Д. Элвуд, представляет особую опасность в случае ее продолжительности, когда не удастся устранить ее основные причины — низкую оплату труда или сложность с поисками новой работы.

Бедные неполные семьи пользуются различными программами социальной помощи и социального обеспечения (в первую очередь «Помощь семьям с детьми-иждивенцами»), в то же время они бывают в известном смысле изолированы от общества, так как ряд матерей-одиночек предпочитает не работать.

Особое внимание, по мнению Элвуда, заслуживают жители черных гетто, страдающие от тесных квартир, разного вида сложностей с получением образования и безработицы. К сожалению, замечает Элвуд, в представлении многих американцев, люди, населяющие гетто, — неудачники, которые не в состоянии нести какую-либо ответственность за свои поступки.

Прогнозы на будущее некоторых американских авторов в отношении экономической ситуации достаточно пессимистичны, в связи с этим предвидится дальнейшая эволюция ценностных ориентаций, зависящих от материального положения индивидов; М. Зинн и Д. Айцен утверждают, что, как показала история, сексуальная свобода, нетрадиционные формы отношений процветают во время экономического роста¹⁶. Другие исследователи, однако, не согласны с подобной точкой зрения.

Разнообразие форм семейной жизни расценивается большинством специалистов как источник силы и преемственности института семьи и как закономерное развитие исторической тенденции к появлению и распространению различных моделей брачно-семейных отношений. «Мы являемся свидетелями не фрагментации традиционных семейных схем, а проявления плюрализма»¹⁷. Признание сложности и многообразия типов семьи и брака в США сравнивается с «откровением», подобным «открытию» бедности в 60-е годы администрации президента Л. Джонсона. Раньше концепция плюрализма никогда не применялась по отношению к семье¹⁸. — пишут Арлин и Джером Сколник. По всей видимости, существующая тенденция к разнообразию форм семьи получит еще большее распространение. А. Черлин и Ф. Ферстенберг предсказывают, что к 2000 г., как и сейчас, в США будут преобладать: 1) семьи, созданные в результате первого брака, в основном с одним или двумя детьми; 1/4 из этих семей останутся бездетными; 2) одинокие люди и семьи, образованные в результате повторного брака¹⁹.

Увеличение продолжительности жизни привело к изменению конфигурации родственной структуры — возросло число поколений в семье, обменивающихся жизненным опытом, впечатлениями, установками. При этом благодаря значительному улучшению организации быта, развитию сферы обслуживания, средств массовой информации, особенно телевидения, иным условиям работы, большей рассредоточенности людей при проживании, географической мобильности семья как социальный институт лишается ряда функций, присущих ей раньше, члены семьи меньше зависят друг от друга. Наряду со стремлением к более консервативному образу жизни в некоторых слоях американцев, в первую очередь «новых правых», семья занимает не столь важное, как прежде, место в жизни американцев.

Национальный опрос общественного мнения 1975 г. показал, что большинство американцев считали необходимым или желательным вступление в брак и создание семьи, хотели иметь детей и стремились нести за них ответственность при любых обстоятельствах. Однако в реальной жизни лишь небольшой процент населения следовал подобным установкам. Ранее считалось, что отношение к браку как к чему-то фатальному, смирение с трудностями и проблемами, возникающими в семье, было присуще представителям низших слоев населения, в первую очередь, черным американцам. Теперь распространена точка зрения, что далеко не все ценностные ориентации находятся в непосредственной зависимости от социальных и расово-этнических характеристик. При этом М. Зинн и Д. Айцен утверждают, что поведение индивидов может сильно различаться в зависимости от их классовой принадлежности. Так, среди более обеспеченных слоев населения вероятность сексуальных контактов сильно ограничена самим социальным кругом, выше средний возраст заключения брака, меньше сексуальная активность²⁰. Что касается выбора парт-

нера, то в целом американцы предпочитают создавать семью с человеком сходного социального происхождения.

Еще до недавнего времени идеалом мужчины и семьянина считался «хороший кормилец», полностью бравший на себя ответственность за обеспечение семьи, принятие основных решений, но не участвующий в выполнении домашних обязанностей. За последние десятилетия появились иные требования к «хорошему кормильцу», это — эмоциональный вклад и помощь в организации быта. Однако новый стереотип «идеального мужа» пока не появился²¹.

Понятие любви, по мнению А. Смидлер, всегда было феминизировано в американской культуре, теперь представления мужчин и женщин о любви постепенно сближаются. Зрелость индивида понималась как одномоментное вступление в новую фазу жизни, означающую завершение романтической любви, окончательный выбор спутника жизни, верность ему, соблюдение взаимных обязательств, самопожертвование, сдерживание сексуальных стремлений в браке и вне его. Сейчас традиционный американский индивидуализм, который и раньше накладывал определенный отпечаток на представления о любви и на их воплощение в жизнь, трансформировался в «новый индивидуализм». Взрослый этап жизни воспринимается как период постоянного кризиса, перемен, выбора. В любви наиболее существенными элементами считаются общение, взаимопонимание, самораскрытие индивида, осуждается ревность, признается необходимость «работать» над отношениями, постоянно их совершенствовать. Тем самым, по словам Смидлер, в американской культуре предпринимается попытка дать символическое и моральное обоснование «я» в обществе, как можно больше приблизить ценностные ориентации, взаимные требования индивидов к реальному опыту человеческих взаимоотношений²².

Общая тенденция к демократизации брачно-семейных отношений нашла свое выражение в большей эгалитарности, по сравнению с прошлым, сексуальных отношений в браке (под влиянием распространения психотерапевтической помощи семьям, контрацептивов, движения за освобождение женщин), а также в увеличении частоты половых контактов среди супругов всех возрастов²³. При этом женщины из семей рабочего класса испытывают несколько больший эмоциональный дискомфорт в интимных отношениях со своими супругами, чем их соотечественницы из более обеспеченных слоев населения. Это объясняется тем, что в рабочих семьях женщины, как правило, не ориентированы на откровенные разговоры с мужем, касающиеся вопросов секса²⁴.

Для большинства американцев доброе гетеросексуальное сожительство станет, по-видимому, одним из обычных и признанных обществом периодов жизненного цикла. С 60-х годов отношения, альтернативные браку, расцениваются как приемлемые в обществе, если они характеризуются устойчивостью и сильной привязанностью партнеров друг к другу. Значительно изменились взгляды на неполные семьи, т. е. одиноких матерей. Теперь это не считается позором и не свидетельствует о неполноценности такой семьи. Это произошло, по мнению Элвуда, отчасти потому, что теперь мужчины меньше, чем раньше, стремятся нести долговременную ответственность за женщин и детей. Поскольку сейчас многие отцы отказываются помогать матерям в воспитании детей, в США развернулась кампания с целью изменить сложившуюся ситуацию и заставить именно отцов нести финансовое бремя в воспитании ребенка, выплачивая алименты.

Эволюция ценностных ориентаций немало повлияла на снижение рождаемости в США после ее взлета в конце 40-х — 50-х годов. Как замечает известный демограф М. Дж. Бейн, особого внимания заслуживает малодетность американцев, а не сознательная бездетность. Она же утверждает, что основы взаимоотношений между родителями и детьми остались прежними²⁵. Анализируя установки родителей в отношении психологического и эмоционального воспитания ребенка, психолог-педиатр Дж. Каган упрекает американское общество в преувеличенном значении, придаваемом индивидуализму, автономии, независимости. Он полагает, что окружающий ребенка мир должен быть более разнообразным в плане общения, впечатлений, обучения, а его будущее социально защищено²⁶.

По мнению А. Карлсона, США вступают в новый, до сих пор неизвестный демографический период, что обусловлено внедрением контрацептивов, легализацией аборт, все углубляющимся расхождением между институтом брака и функцией воспроизводства, наличием экономических стимулов к отказу от рождения ребенка. Учитывая то, что проблема аборта является предметом острейших политических дебатов, по словам К. Люкер, отношение к аборту среди американок можно считать символическим водоразделом в восприятии материнства вообще. Решение о рождении ребенка зависит преимущественно от конкретных обстоятельств в жизни женщины. Показателем, оказывающим самое негативное влияние на принятие этого решения, является получение высшего образования²⁷.

За 60—80-е годы возрос процент детей, рожденных вне брака, в первую очередь среди подростков. Это представляет собой одну из серьезнейших проблем в американском обществе. А. Карлсон предполагает, что главную причину следует искать в парадоксальном взаимодействии двух факторов: с одной стороны, среди части населения продолжает бытовать резко отрицательное отношение к добрым связям, что подчас вызывает эффект противодействия со стороны подростков; с другой стороны, в результате развернувшейся деятельности национальных программ контроля за рождаемостью, окончательно сформировавшихся к началу 80-х годов, активно пропагандируется использование контрацептивов и тем самым поощряются добрые сексуальные контакты. Карлсон призывает решать эти вопросы в семье, ориентируя подростков на большую ответственность за свои действия и не вызывая при этом их негативной реакции²⁸.

Карлсон утверждает, что немалую роль в «падении нравов» сыграло исчезновение «крестьянской» Америки, которая отвечала за сохранение культурных и нравственных норм, предусмат-

рывающих традиционную семью. Американский феномен урбанизированных пригородов был порожден «бэби-бумом» и в значительной степени породил его: в конце 40—50-х годов многие молодые семьи среднего и высшего классов получили возможность за сравнительно доступную цену приобрести свой дом в пригородах, где в то время велось активное жилищное строительство. В результате создавались семьи, в которых женщина не работала, а занималась домашним хозяйством, воспитанием нескольких детей (4—5). В то же время, как пишет Карлсон, менее обеспеченные американцы не могли себе позволить купить дом в пригороде. И поэтому сложившийся в этот период стереотип большой и крепкой семьи («идеал простой порядочности») не был распространен на все общество, а впоследствии постепенно разрушился.

В последнее время все большее внимание общественности и специалистов привлекает проблема изолированности стариков, их одиночества, возникновение неприятия другими возрастными группами общества пожилых и престарелых людей, сложность их интегрирования в семью. А ведь именно они, как отмечает Карлсон, являются защитниками социального порядка, культурного наследия.

В итоге Карлсон рисует мрачную картину «радикально настроенного индивида, освобожденного от семьи, общины и религии, одинокого и незащищенного, неуверенного в будущем»²⁹, не имеющего ничего, кроме непрочных связей с подобными ему «„свободными“ личностями и брошенного в объятия „терапевтического“ государства»³⁰.

Д. Элвуд гораздо оптимистичнее смотрит на моральный климат в современной Америке. Он утверждает, что американцам и сегодня присуще стремление к всеобщей справедливости, чувство товарищества, понятие первостепенной важности семьи, связь с общиной, трудолюбие, уверенность в себе. Наиболее типичными ценностями американцев он считает понятие автономии индивида, ориентацию на исполнение «американской мечты» («от тряпья к богатству»), отношение к работе как к добродетели, а к лени и безделью как к свидетельству слабого характера, ответственность за детей и желание иметь полную семью. Особое значение сейчас приобретают стимулы к работе, стабильности в семье и стремление к независимости среди бедных категорий населения³¹.

Сама по себе идея кризисного состояния семьи и ее возможного распада не нова — время от времени она появлялась во все исторические периоды. Важно рассматривать брачно-семейные отношения в конкретно-историческом контексте, «здесь и сейчас», — говорит С. Келлер, предупреждая против чрезмерной генерализации, сведения всех тенденций и процессов к исходной точке зрения: семья — ячейка общества³².

Начиная с 80-х годов можно говорить о решительной политизации проблем брака и семьи в США. Именно в это время впервые официально заговорили о необходимости «защиты семьи». Просемейная направленность движения «новых правых» расценивается американскими исследователями Дж. Панкрастен и Ш. Хаускнехт как обобщение «нормативной реакции на отсутствие норм»³³.

А. Карлсон сам не причисляет себя к «единомышленникам» «новых правых», однако его основная идея о возвращении к традиционной семье и те аргументы, которые он выдвигает в защиту ее, позволяя отнестись его к числу консерваторов. Он пишет, что суть глобального этического конфликта между институтом семьи и государством заключается, во-первых, в ломке исторически сложившегося разделения труда между мужчиной и женщиной и, во-вторых, в абсолютной несостоятельности попыток правительства сохранить и укрепить семью. Таким образом, защита семьи приравнивается автором к полному невмешательству в ее сферу, к политике «laissez faire».

Называя свою концепцию «семейной политикой для свободных людей», Карлсон призывает обратиться к немногим удачным примерам просемейной федеральной социальной деятельности, основанной на идее косвенного снижения налогов: реконструировать жизнеспособную программу для населения пригородов с предоставлением реальных возможностей жилищного строительства (т. е. использовать опыт 40—50-х годов); проводить политику налоговых кредитов и вычетов в зависимости от числа детей в семье и их возраста; децентрализовать систему планирования семьи, предоставив индивидам право решать вопрос о наличии детей, не будучи под влиянием каких-либо программ, за исключением вышеуказанной.

Воздержание от сексуальных контактов вне брака должно вновь стать социальной нормой, незапланированная беременность будет вести к созданию полной семьи, предполагается, что общество будет осуждать рождение ребенка вне брака, и отец ребенка окажется вынужденным принять новые этические нормы. Автор настаивает на том, чтобы семья вновь стала «частным предприятием для удовлетворения нужд и устремлений индивида»³⁴, освобожденным от ненужной опеки со стороны бюрократических служб и агентств. Литература, искусство, создание нормативных общественных актов, и в первую очередь религия, должны послужить делу восстановления культуры семьи.

Большая роль отводится реконструкции до возможного предела национальной экономики, ориентированной на семью. Стабильный, прочный институт семьи укрепляет экономическое положение страны, утверждает Карлсон.

Центральная мысль книги Д. Элвуда состоит в том, чтобы увеличить возможность «ответственности и безопасности» бедных семей. Деятельность американского правительства должна быть направлена на три категории бедных американцев: полные или неполные семьи с детьми, которые нужно стимулировать к работе и поощрять путем так называемой дополнительной поддержки (через налоговую политику, денежные пособия, сочетание полной и неполной занятости); людей, сталкивающихся с временными трудностями из-за потери работы или других об-

стоятельств, которым следует предоставить временную поддержку (путем выплат и обеспечения участия в профессиональном обучении); и наконец, категорию трудоспособных американцев, которые в течение длительного времени не в состоянии найти работу и нуждаются в обеспечении занятости, а также в долгосрочной денежной помощи.

Таким образом, в идеале семейная политика призвана развивать американскую мечту о равных возможностях, ведущих к процветанию и независимости, а не «собирать осколки, когда мечта разбита»³⁵.

Элвуд отмечает, что и сегодня до конца не выяснено, виновна ли существующая система социального обеспечения в «феномене долгосрочной бедности» среди части американцев. Но так или иначе эта система подвергается критике со стороны либералов и консерваторов (социальное обеспечение, по мнению последних, — «наркотик, разрушающий и так недостаточную энергию и целеустремленность») ³⁶. Элвуд согласен с точкой зрения Ч. Мюррей, автора нашумевшей книги «Теряя почву под ногами»³⁷, который замечал, что существующая программа социального обеспечения не отражает и тем более не укрепляет основные ценности американского общества: значительно снижает стимул к работе, изолирует получателей государственной помощи от общества, негативно влияет на структуру родственных связей и взаимопомощи в семьях. Проблема бедности, по мнению Элвуда, и вытекающие из нее кризисные явления в институте семьи в целом неразрывно связаны с представлениями и ожиданиями людей.

Необходимо направить все силы на стимулирование экономического роста, укрепить экономическое положение полных семей. Применительно к ним было бы целесообразно расширить круг американцев, охваченных медицинской помощью (Medic aid), повысить заработную плату, обеспечить либо прямую финансовую поддержку, либо определенное число рабочих мест. Следует меньше помогать одиноким матерям и ждать от них большей отдачи — «снять их с системы социального обеспечения», «вовлечь отсутствующих родителей в воспитание детей»³⁸. Программа «Помощь семьям с детьми-иждивенцами» должна быть заменена выплатой алиментов (child support), составляющих около 25—30% от заработка отца в зависимости от инфляции; налоговым кредитом, предоставляемым для использования детских учреждений (day-care).

В заключение хотелось бы отметить, что большинство американских авторов признает многообразие форм семейной жизни как самую важную тенденцию в эволюции этого института на сегодняшний день. Но они не считают возможным оправдывать появлением новых нетрадиционных типов семьи те сложные социальные, экономические и психологические проблемы и даже кризисные явления, с которыми сталкивается американское общество. Ряд ценностных установок, ориентаций, как специфически американских, так и общечеловеческих, продолжают составлять ту основу, на которой американцы хотели бы строить свою жизнь. В представлении многих рядовых американцев только полная семья является полноценной.

Но, если авторы более консервативного толка предлагают предпринять попытку возродить преобладание традиционных (и, следовательно, полных) семей, то их либерально настроенные коллеги считают, что в разработке социальной деятельности государству следует исходить из сложившейся картины разнообразия брачно-семейных отношений, делая в первую очередь акцент на решении проблем экономического плана.

Примечания

¹ Zinn M. B., Eitzen D. S. Diversity in American Families. N. Y., 1987.

² Ibid. P. 5.

³ Среди них — Дж. Блейк, Дж. Демос, У. Гуд, Р. Истерлин, Дж. Сканцони и др.

⁴ Family in Transition / Ed. by Skolnick A. S., Skolnick J. H. Boston; Toronto, 1986.

⁵ Elwood D. T. Poor Support: Poverty in the American Family. N. Y., 1988.

⁶ Carlson A. C. Family Questions: Reflections on the American Social Crisis. N. Y., 1988.

⁷ Zinn M. B., Eitzen D. S. Op. cit. P. 157.

⁸ Ibid. P. 171.

⁹ Hareven T. E. American Families in Transition // Family in Transition. P. 55.

¹⁰ Carlson A. Op. cit. P. 5.

¹¹ Ibid. P. 30.

¹² Ibid. P. 49.

¹³ Hunt J., Hunt L. The Dualities of Careers and Families // Family in Transition. P. 55.

¹⁴ Cowan R. S. XX Century Changes in Household Technology // Family in Transition. P. 69.

¹⁵ Zinn M. B., Eitzen D. S. Op. cit. P. 194.

¹⁶ Ibid. P. 435.

¹⁷ Hareven T. Op. cit. P. 44.

¹⁸ Family in Transition. P. 7.

¹⁹ Cherlin A., Furstenberg F. American Family in the Year 2000 // The Futurist 17, June 1983; Zinn M. B., Eitzen D. S. Op. cit. P. 424.

²⁰ Zinn M. B., Eitzen D. S. Op. cit. P. 215.

²¹ Bernard J. The Good Provider Role; Rise and Fall // Family in Transition. P. 137.

²² Smidler A. Love and Adulthood in American Culture // Ibid. P. 248.

²³ Hunt M. Marital Sex // Ibid. P. 172.

²⁴ Rubin L. B. Blue-Collar Marriage and the Sexual Revolution // Ibid. P. 191.

- ²⁵ Jo Bane M. Here to Stay: Parents and Children // Ibid. p. 556.
- ²⁶ Kagan J. The Psychological Requirements for Human Development // Ibid. P. 382.
- ²⁷ Luker K. Motherhood and Morality in America // Ibid. P. 375.
- ²⁸ Carlson A. Op. cit. P. 103.
- ²⁹ Ibid. P. 177.
- ³⁰ Ibid. P. 125.
- ³¹ Elwood D. T. Op. cit. P. 44.
- ³² Keller S. Does the Family Have the Future? // Family in Transition. P. 522.
- ³³ Pankraste J. G., Housknecht Sh. The Family, Politics and Religion in the 80's // Ibid. P. 576.
- ³⁴ Carlson A. Op. cit. P. 253.
- ³⁵ Elwood D. T. Op. cit. P. 45.
- ³⁶ Ibid. P. 4.
- ³⁷ Murray Ch. Losing Ground: American Social Policy, 1950—1980. N. Y., 1984.
- ³⁸ Elwood D. T. Op. cit. P. 151.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ С. А. АРУТЮНОВА «НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ. РАЗВИТИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ.» (М., 1989. 246 с.)

© 1991 г. СЭ, № 3

В. П. Алексеев

Жанр этой книги не совсем обычен. В принципе автор попробовал построить свое изложение так, чтобы оно производило монографическое впечатление. Книга делится на главы, каждая из глав содержит законченное обсуждение той или иной проблемы. Главы располагаются в определенной последовательности. Однако выбор проблем в общем более или менее условен и они далеко не исчерпывают содержания, обозначенного в заглавии. В то же время сборником статей книгу назвать тоже нельзя: отдельные очерки ранее были опубликованы, но текст их подвергся значительной переработке и во многом они представляют собой самостоятельное сочинение. Я, пожалуй, не побоялся бы назвать книгу развернутым эссе на заданную тему, в котором авторские вкусы нашли отражение как в характере выбора самих вопросов для дискуссии, так и в большей или меньшей углубленности их трактовки. Это все более и более распространяющийся сейчас в научной литературе жанр, развитие которого целиком обусловлено усложнением содержания науки, увеличением числа маргинальных проблем, в какой-то мере современными тенденциями в развитии научного языка, явно обнаруживающего тяготение к образности, внеучной лексике и т. д. Последние два-три десятилетия советская этнографическая литература была полна споров о содержании этнографической науки и характере ее функциональных связей с другими дисциплинами, споров в большей своей части терминологических, но затрагивавших в какой-то степени и узловые проблемы науки. Сергей Александрович Арутюнов, один из ведущих современных этнографов, работающий над разнообразными материалами разных культур и народов, продемонстрировал (не знаю, сознательно или стихийно) исключительное значение сравнительно-культуроведческой тематики в контексте того, что сейчас называется этнографией, этнологией, социальной антропологией и этносоциологией. Много сил было потрачено на поиск специфического содержания, которое можно было бы соотнести с каждым из этих терминов, и на выяснение того, где проходит демаркационная линия между ними. Все споры об этом, в сущности говоря, не привели к удовлетворительным результатам, возможно потому, что сами термины возникли исторически в разных странах для обозначения более или менее сходного круга вопросов и при любом понимании содержание этих терминов остается очевидным и неизбывным — культурные характеристики любого народа ничуть не в меньшей степени, чем язык, составляют его неотъемлемую специфику и позволяют оперировать информацией о нем как историческим целым. Трудно согласиться поэтому с формулировкой, что цель и содержание науки о народах состоит в изучении самих народов, изучать их можно, только изучая их культуру.

Автор снова в этой книге возвращается к дальнейшему обоснованию предложенной им вместе с Н. Н. Чебоксаровым гипотезе об этносах как сгустках информации. Сама по себе попытка привлечения информационных характеристик к пониманию этнической специфики, наверное, плодотворна и может привести при переводе их на количественный уровень к определенным